

**О некоторых фольклорных параллелях
к русским рукописным пародиям XVII–XVIII вв.**

Трахтенберг Лев Аркадьевич

аспирант

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

email: Lev_A_T@inbox.ru

То, что русская рукописная пародия (такие произведения, как «Повесть о Ерше Ершовиче», «Повесть о Шемякином суде», «Калязинская челобитная», «Роспись о приданом», «Духовное завещание Елистрата Шибаева» и т. д.) связана с устным народным творчеством, хорошо известно. Эта связь может быть прослежена и на уровне сюжетов (например, сюжеты «Повести о Ерше Ершовиче» и «Повести о Шемякином суде» известны как в рукописях и лубках, так и в устной традиции), и на уровне мотивов. В докладе будут рассмотрены некоторые мотивы, широко распространенные как в русской рукописной пародии на деловые документы, так и в разных жанрах устного народного творчества.

Один из них – перифраза *загородной мой собственной дом, выехав из Москвы, за надолобами по Петербургской дороге: два столба врыты, а третьим покрыты, а доходу с него туша мяса да голова запаса, а на иной год и больше* (рукописное «Духовное завещание Елистрата Шибаева» [Кузьмина: 154]). Сходная перифраза – в рукописной же «Росписи о приданом»: *Во оном дворе хоромнаго строения: два столба вбиты в землю, третьим покрыто* [Русская сатира: 97]. Подобное перифрастическое обозначение виселицы встречается в разных фольклорных жанрах. См. в песне «Не шуми, мати, зеленая дубровушка...»: *Я за то тебя, детинушка, пожалуйю Среди поля хоромами высокими, Что двумя ли столбами с перекладиной* [Русские песни 1957: 54]; в сборнике пословиц Даля: *По заслугам Ваньку Каину пожаловали (двумя столбами с перекладиной)* [Даль: 145]; в сказке «Филька-вор»: *сколько вору ни воровать, а виселицы, должно, не миновать <...> будет тебе два столба с перекладиной* [Урал: 154]. Однако сходный мотив может выражать и иной смысл, ассоциируясь не с разбоем и казнью, а с бедностью. См.: *Три кола вбито да небом покрыто; Наш двор крыт небом, а обнесен ветром* [Даль: 51]; *Был у нас большой дом из одного кирпичика; <...> светом обгорожен, небом покрыт* (сказка «Не любо – не слушай» [Афанасьев: 150]). Возможно, именно такова семантика указанного мотива в цитированном отрывке из «Росписи о приданом».

К другому мотиву рукописной «Росписи о приданом» – *шуба соболя, а другая сомовья* – находим параллель в разбойничьей песне «Хороша наша деревня...»: *Заловили сорок щук, Из которых шубы шьют* [Русские песни: 65] (ср. тж.: *Ловить рыбку по суходолу. Он удит на сухом берегу* [Даль: 95]).

Наконец, многочисленные фольклорные параллели находятся к такому мотиву рукописной «Росписи о приданом»: *на ноги столярные чулки да штукотурные башмаки; липовые штаны; холстинной гудок да для танцов две пары мозжевеловых порток* [Русская сатира: 100, 102] (ср. тж. в «Духовном завещании Елистрата Шибаева: с Углицкого лесу – преосвященнаго отца Сиротку з дубовым крестом <...> с Касимовской дороги, с Крипанского лесу – преосвященнаго отца Должинского полку с липовым обожженным крестом [Кузьмина: 154], а также *собрать нищую братью, наварить про них дубовые каши с березовым маслом, да после обеда дать им на дорогу полтора аршина толчков* [Кузьмина: 156]). Ср. в «Пословицах русского народа» Даля: *Употчевали гостя липовым лецом (т. е. одной ложкой)* [Даль: 495]; *Пара липовых лещей (ложек) да горшок пустых щей* [Даль: 496]. Ср. там же: *Он портной: игла дубовая, а нить вязовая (или: аршин дубовый, нитка вязовая); Он портняжничает, по большим дорогам шьет дубовой иглой* (о разбойнике) [Даль: 96]. И в этом случае можно отметить способность мотива в разных контекстах выражать различный смысл: в одних случаях он ассоциируется с разбоем, в других – с бедностью (или скупостью).

Способность различных мотивов совмещать эти значения может быть интерпретирована как свидетельство близости данных значений в картине мира традиционной культуры (ср.: *От тюрьмы да от сумы никто не отрекайся; С сумой да с*

тюрьмой не бранись [Даль: 56]; *Сума да тюрьма дадут ума* [Даль: 52]). Признаком, позволяющим сблизить их, может быть принадлежность к тому, что Д.С. Лихачев назвал антими́ром. И разбой, и бедность, видимо, представлены в этой картине мира как антитеза нормальному состоянию человека (о разбое как противоположности «нормальному» миру в связи с представлениями о мире потустороннем писал также Б.А. Успенский в статье «Анти-поведение в культуре Древней Руси»). Но следует принимать во внимание и такие примеры: *Гол, да не вор; беден, да честен (или: да праведен)* [Даль: 54].

Можно назвать и многие другие мотивы, характерные как для рукописных пародий на документы, так и для устного народного творчества. См. напр.: *Деревни меж Кашина и Ростова, позади Кузмы Толстова* (рукописная «Роспись о приданом» [Русская сатира: 102]) – *уезду горада Ростова села Талстова церкви Рождества Христова вотчины князь им-рек Пестова крестьянина Разбегая Ивановича Прыткова* (рукописный «Список глухого пашпорта» [Забелин: 82]) – «*Мужик, откуда ты?*» – «*Издавеча, бачка*». – «*А откуда?*» – «*Из города Ростова, а барина Толстова*» (сказка «Хорошо, да худо» [Афанасьев: 140]); *Оное приданое всию на лицо, как свиное выеденое ицо* (рукописная «Роспись о приданом» [Русская сатира: 103]) – *Под шес(т)ком-та карова еицо снесла* («Агафонушка» [Кирша Данилов: 142]) – *Уж как кутюшка бычка родила, Поросеночек яичко снес* («Байка про старину стародавнюю» [Афанасьев: 155]).

Все эти примеры позволяют подтвердить вывод о том, что своеобразие поэтики русской рукописной пародии на деловые документы определяется не только пародийной трансформацией структуры жанра–прототипа, но и присутствием в пародии мотивов устного народного творчества. При этом семантика фольклорных мотивов может вступать в сложное взаимодействие с семантикой пародийного контекста. Например, если такой мотив, как *свиное выеденое ицо*, служит для создания комического эффекта и в устном народном творчестве, и в рукописной пародии, то мотив *два столба врыты, а третьим покрыты* в песне «Не шуми, мати, зеленая дубровушка...» или в песне «Молодец на правеже» [Исторические песни: 129] выражает вполне «серьезный» смысл – комическую трактовку в «Духовном завещании Елистрата Шибаева» он получает, попадая в пародийный контекст. Переосмыляется и мотив *шуба сомовья – сорок цук, из которых шубы шьют*: если в устном народном творчестве *рыбная ловля* выступает как метафора воровства и разбоя, т. е. противоречие между компонентами буквального значения мотива становится основой для возникновения переносного значения, то в пародийной «Росписи о приданом» актуализируется не метафорическое, а противоречивое буквальное значение, вследствие чего создается эффект абсурда (и такая интерпретация поддерживается контекстом).

Литература

- Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1994.
Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977.
Забелин И. Заметка о памятниках простонародной литературы // Библиографические записки. 1892. № 2.
Исторические песни. Л., 1956.
Кузьмина В.Д. Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII века // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. М., 1955. Вып. 17.
Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1985. Т. 3.
Русская демократическая сатира XVII века. М., 1977.
Русские народные песни. М., 1957.
Урал в его живом слове. Свердловск, 1953.